

В зеркале искусства

Общая газ. - 2000. - 19-25 окт. - с. 10.

120 лет по кругу

Никулинский цирк не сходит с рельсов

20 октября 1880 года в цирке на Цветном бульваре (тогда — цирке Саламонского, сейчас — цирке Никулина) состоялось первое представление. 120 лет спустя цирк отмечает юбилей специальным представлением. В его преддверии мы решили поговорить с директором цирка на Цветном Максимом НИКУЛИНЫМ:

— Какое место в мировом рейтинге занимает сегодня Московский цирк Никулина?

— А не существует никакого рейтинга. В мире очень мало стационарных цирков. В основном — спортзалы и шапито. Настоящие цирки можно пересчитать по пальцам: цирк в Париже, антикварный цирк в Стокгольме, два московских, китайский. А национальных цирков — сформированных на базе национальных традиций, идей и дисциплин — вообще два: наш и китайский. Любый хороший западный номер — калька с наших идей. Даже если представление оформлено в испанском, скажем, стиле — это не более чем стилизация.

— Не секрет, что на аренах западных цирков каждый второй артист — наш. Вы страдаете от того, что московский цирк для артистов менее привлекателен, чем денежные западные контракты?

— Мы это не ощущаем. К нам идут работать так же охотно, как и за рубеж. Во-первых, это дом. Во-вторых, мы платим значительно больше, чем гарантируют государственные расценки. Кроме того, артист, который приезжает к нам работать, знает, что цирк Никулина — чуть ли не единственный постановочный цирк в стране: мы практически бесплатно поможем с реквизитом, костюмами, музыкой, режиссурой. На Западе это стоит сумасшедших денег.

— Если вы такие престижные, почему вы редко приглашаете не цирковых звезд?

— Как вы понимаете, я могу позвонить, например, Рязанову и предложить поработать вместе. Но он ответит: «Ты что, с ума сошел, я же в этом ничего не понимаю!» Человек, который почувствует в себе

желание и возможность, придет сам. Как уже не раз приходил Евгений Гинзбург — надеюсь, что-нибудь солидное получится. Как приходил Андрис Либа — правда, он сейчас очень занят. С нами очень хотел работать Гриша Горин. Он говорил: «Я мечтаю написать что-нибудь, близкое по уровню репризе Юрия Владимировича «Бревно». Написав такое, дальше можно не писать». Перед смертью он звонил: «Пьесу сдал, Марк счастлив, две недели отдохну, потом будем говорить». Не успели. Сейчас надемся сделать программу с симфоническим оркестром. Уже говорили с Башметом и Спиваковым: классический цирк будет выступать наравне с классической музыкой.

— «Классический» — это так важно? А как же авангард, новые идеи?

— Когда отцу говорили: «Юрий Владимирович, представьте, этого же еще никогда не было!» — он отвечал: «Знаешь, почему не было? Потому что это никому не надо». Отец рассказывал, как в 60-е годы в цирке читали лекцию «О новых путях развития циркового искусства». Когда лектор закончил, из задних рядов послышался голос режиссера Арнольда: «Когда вагоновожатый ищет новых путей, трамвай сходит с рельсов». Очень образно и правильно применительно к цирку. В цирке все происходит не по тем законам, которые кто-то придумал, а по тем, какие сложились за годы его существования. Хорошие цирковые номера, как старые анекдоты — отшлифованы временем. Менять ничего нельзя. А особенно — в номерах с животными. Вот в свое время купили пингвинов...

— Вы?

— Я что, похож на сумасшедшего? Другие. А пингвины не дрессируются в принципе, так, шлепают себе по манежу... Они, естественно, все переходили: это животные очень нежные, температура на пару градусов изменится, и им привет. Дрессировщик с горя сам чуть не умер. А сегодня снова купили пингвинов. Зачем?

С животными вообще непро-

сто. Одни «зеленые» чего стоят. У меня просто печень надрывается, когда об этом думаю. Ведь по официальной статистике в цирке животное живет не только дольше, чем на воле, но и чем в зоопарке.

Тем не менее на Западе дошло до того, что многие цирки вынуждены отказаться от животных. И в цирке плачут, и дети плачут: хочу слоника с осликом. Кстати, собаки и лошади еще туда-сюда. А вот медведи действуют на «зеленых», как красная тряпка. Не дай Бог, палкой треснуть!

— Но ведь наверняка есть жанры, которые уже на вашей памяти при- казали долго жить?

— В цирке все зависит не от жанра, а от номера. Бывает, жонглер кидает три шарика, но делает это так, что 20 минут держит зал. Но есть в цирке и термин «корявый»: для таких артистов совершенно неважно, сколько они делают сальто-мортале.

Сегодня невозможны политические репризы. Последним, кто это делал, был Карандаш. Политику цирк отторгает. Как раньше, так и сейчас, остается безумный дефицит на клоунов. Это, наверное, единственная цирковая профессия, которой нельзя научить. Клоун должен родиться. В любых цирковых программах настоящие коверные наперечет, они получают очень хорошие деньги, они известны и постоянно востребованы.

К сожалению, Россия теряет конный цирк. А ведь не случайно лошади — на эмблемах и нашего цирка, и, например, российской компании. Хорошие конюшники — в цирках у немцев Крона и Брюса, у испанцев. А у нас — беда. И не потому, что это дорого: слоны дороже. Но конные номера более трудоемки. Каждый номер нужно делать год. Вот сейчас мы хотим восстановить старый номер Котовой и Ермолаевой «Штраусиана». На подготовку этого римейка уйдет год, нужно покупать лошадей, вкладывать деньги. Ну, Бог с нами, с деньгами: найдем. Потому что если мы не сделаем — никто не сделает.

— Вы уверены, что у вас и арти-

сты самые лучшие, и конкуренции никакой, и все уже раз и навсегда придумано и продумано, и новые идеи идут только во вред. Согласитесь: думая так, очень легко впасть в застой?

— Я не Станиславский и не хочу им быть. Я — капитан корабля и слежу, чтобы он плыл без пробоев, чтобы команда было накормлена и пассажиры чувствовали себя комфортно. В обычной жизни капитан не нужен: отстоит себе вахту и привет. Но когда авария, он незаменим. Движение вперед все равно есть, потому что корабль плывет: жизнь-то меняется. Но я не сторонник резких телодвижений, переворотов и новаций: насмотрелись. Тем более что любой проект связан с риском, а рисковать добрым именем цирка я не могу. В шоу-бизнесе сегодня очень легко упасть, а тогда обычно забивают ногами.

Есть, конечно, так называемые «альтернативные» цирки. Например, «Флик-фляк» из Германии — небольшой, на 1200 мест, хулиганский цирк с рок-н-роллом, мальчишками-педрилами. Наши артисты там выступают на мотоциклах. Это цирк для молодежи. Есть французский «Архаус» — тоже с мотоциклами, с тяжелым драйвом. У нас же любое нетрадиционное представление может идти только на правах антрепризы — не больше недели. Иначе мы растеряем всех зрителей. Наш цирк — это не экспериментальная площадка, не полигон, к нам приходят люди, которые привыкли к нам, знают нас и любят такими, какие мы есть. Люди, в свою очередь, очень консервативны, а сегодня, когда все так быстро меняется, тяга к стабильности инстинктивна. Например, мы сделали — совершенно сознательно — настоящую «совковую» программу. Не в смысле комиссионки, а в значении антиквариата. И музыка была такая же, и медведи те же, и голос Николай Николаевича Озерова, комментирующего медвежий бокс. И какой был успех!

— Неужели у вас вообще нет никаких проблем? Как, например, дела с помещением?



— А что с ним может быть не в порядке, когда мы каждый год вкладываем в ремонт 40–50 тысяч долларов? У нас все уникально: недавно вылетел малосенький чип — пришлось выложить три тысячи долларов. Мы ведь считаемся коммерческим предприятием только на бумаге. А на деле вкладываем деньги либо в производство, либо в программы.

— Сколько сегодня стоит билет?

— Самые дорогие стоят 250 рублей и продаются в первую очередь. Есть теория, что в цирк человек хо-

дит три раза в жизни: в детстве его ведут родители, в зрелости он приходит со своими детьми, а в старости его приводят внуки. А три раза в жизни можно и потратиться. Но мы вынуждены сохранять и билеты по 20 рублей: к счастью, у нас отовсюду хорошо видно.

Мы заполняем зал даже в августе: когда все разъезжаются, кассу делают иностранцы (по контракту с турфирмами наш билет входит в программу). В феврале, когда народ ошалел от праздников, в мае, когда все отправляются на грядки,

— 70 процентов зала заполнено.

Другое дело, во всем мире доход в шоу-бизнесе только на 30 процентов зависит от продажи билетов. Остальное — от сопутствующей торговли. А по нашему закону деньги, вырученные за поп-корны и бейсболки, считаются доходами от неосновной деятельности. То есть мне не выгодно зарабатывать. Но что поделаешь? Живем, как в том анекдоте: это наша родина, сынок.

Беседовала Юнна ЧУПРИНИНА